

Б

алканскую кампанию Гитлера 1941 года, предшествующую нападению на СССР и обеспечившую его юго-восточный фланг, можно было бы назвать «Балканский блицкриг» или «Малая Барбаросса». Она стала следствием агрессии по отношению к Греции диктатора Муссолини и свержения правительства в Югославии, которая, будучи почти со всех сторон окружена странами «Оси», то есть немецко-фашистского блока, была вынуждена сотрудничать с ним.

В самом деле, непосредственными соседями этой страны к весне 1941 года были «третий рейх», Италия, оккупированная ею еще в апреле 1939 года Албания и такие их союзники как Венгрия, Румыния и Болгария. В Румынии немецкие войска были размещены в январе 1941 года, в Болгарии — с февраля 1941-го. Помощь Югославии, содействие и поддержка ей могли прийти только через короткую горную границу с Грецией, с которой она в свое время входила в военно-политический союз — «Балканскую Антанту». Греко-югославские связи сохранились и после того, как эта «Антанта» прекратила свое существование с началом Второй мировой войны.

25 марта белградское руководство подписало Венский протокол — соглашение о присоединении к Берлинскому, или Тройственному пакту 1940 года. Таким образом, королевство Югославия официально стало союзником Германии и других стран «Оси». При этом договор гарантировал отсутствие войск этого блока на территории Югославии и военного транзита через нее, территориальную целостность страны и ее неучастие в военных акциях, которые предпримет Германия со своими союзниками. Более

того, предполагалось учесть заинтересованность Югославии в территориальной связи с Эгейским морем путем «распространения ее суверенитета на город и порт Салоники», который принадлежал Греции. Но, по существу, присоединение Югославии к Тройственному пакту было символическим.

Тем не менее, оно вызвало возмущение сербов. Тысячи белградцев кричали: «Лучше война, чем пакт...» и «Лучше умереть, чем стать рабом...» Многотысячные митинги прошли и в словенской Любляне. А 27 марта в Югославии не без участия британской разведки произошел государственный переворот. Его осуществили офицеры во главе с генералом авиации Симовичем, свергнув принца-регента Павла и возведя на трон юного короля Петра II. При этом новое правительство признало Венский протокол, но 5 апреля подписало Договор о дружбе и ненападении с СССР. И уже в ночь на 6 апреля началось гитлеровское вторжение, приказ о котором взбешенный Гитлер отдал сразу же после военного переворота в Белграде. Попытка лавирования, предпринятая югославским руководством, потерпела крах.

Помимо немецкой, в страну вторглись итальянская, а 11 апреля и венгерская армии. Югославия и ее вооруженные силы, сотрясаемые межнациональными конфликтами и противоречиями, прежде всего между сербами и хорватами, через несколько дней боевых действий стали разваливаться. Хорватских националистов усташей в 1930-е годы поддерживала фашистская Италия. На ее территории располагались штаб-квартира усташей, лагеря и базы, нашел прибежище их главарь (поглавник) Анте Павелич. Накануне войны пропаганда усташей активизировалась. Их радиостанции вещали с территории Италии и Германии, способствуя росту сепаратистских настроений. Усташаи уже 10 апреля объявили о создании собственного «независимого государства Хорватия» (Nezavisna Država Hrvatska) и тогда же, в апреле, начали осуществлять геноцид сербов. Из югославской армии хорваты по большей части либо дезертировали, либо не стали оказывать сопротивление оккупантам. Хорваты саботировали мобилизацию, офицеры хорватского происхождения бежали к немцам и выдавали им ценную секретную

информацию, способствовавшую быстрому разгрому Югославии. А в городе Беловар восстали два полка, сформированные из местных хорватских резервистов. Они блокировали Беловар и потребовали капитуляции гарнизона, угрожая убить всех живущих в городе и его окрестностях сербов и членов семей офицеров.

К хорватам присоединились многие словенцы, боснийцы, фольксдойчи (этнические немцы), а также македонцы, в культурном и языковом плане близкие к союзникам Гитлера болгарам.

Югославия, со всех сторон теснимая вражескими армиями, разрезаемая быстро продвигающимися моторизованными колоннами немцев, подвергающаяся, подобно Белграду, варварским воздушным бомбардировкам, оказалась на грани полномасштабной военно-политической катастрофы и рухнула в пропасть. О ее глубине и о том разложении и смятении, которые эту национальную катастрофу сопровождали, свидетельствует «казус Клингенберга». Речь идет о гауптштурмфюрере (капитане) Фрице Клингенберге, командире роты разведывательного батальона дивизии СС «Дас Райх», который с горсткой своих солдат и унтер-офицеров проник в Белград и с помощью блефа принудил югославскую столицу к капитуляции.

Это случилось уже 12 апреля. Оружие сложили 1300 военнослужащих национальной армии и ополченцев. А 17 апреля был подписан акт о безоговорочной капитуляции югославской армии.

Это был блицкриг как он есть. Классика жанра.

В то же время полковник Драголюб Михаилович, участник Балканских войн, естественно, ветеран Первой мировой, не подчинившись приказу капитулянтского руководства, стал собирать четников и положил начало движению вооруженного Сопротивления в Югославии. Он еще в мирное время предлагал высшему командованию в случае войны отвести армию от границ в горы, чтобы перейти к партизанским действиям, дабы германская армия не смогла воспользоваться своим техническим превосходством.

Во время нападения стран «Оси» подразделение Михаиловича находилось в Боснии. Узнав о капитуляции правительства, Драго-

люб призвал солдат и офицеров не сдаваться врагу. После этого собранный им отряд направился в сторону реки Дрины, куда и вышел с группой из военнослужащих и четников из местной ячейки предвоенной четнической организации, которых вел воевода Митар. Вскоре после перехода Дрины Митар и его люди покинули отряд, но к нему присоединились четники майора М. Палашевича, создав таким образом ядро будущего окружения Михайловича. Центром организации стал горный массив Суворбор, где он воевал в годы Первой мировой и который был ему хорошо известен.

Произошло все это еще в то время, когда местные коммунисты, включая Иосипа Броз Тито, спокойно разгуливали по улицам того же Белграда и не подвергались (до 22 июня) репрессиям со стороны оккупантов-немцев. Только после того, как нацисты напали на СССР и «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией» от 28 сентября 1939 года, ставший продолжением «Пакта Молотова — Риббентропа», утратил силу, югославская компартия призвала народ своей страны к вооруженному выступлению против захватчиков.

Территория бывшей Югославии была разделена между победителями. Разные районы страны были либо фактически включены в состав «третьего рейха», Болгарии, Венгрии, Италии и ее сателлита Албании, либо, как обрубленная и расчлененная завоевателями Сербия, превращенная Муссолини в протекторат Черногория и то же «независимое государство Хорватия», оккупированы германскими и итальянскими войсками.

Безжалостное обращение с сербским населением оказалось абсолютно контрпродуктивным, поскольку привело к началу исключительно жестокой партизанской войны и помешало разграблению сырьевых ресурсов страны в пользу ее оккупантов.

Вокруг Греции обстановка была совершенно иной, чем вокруг Югославии. Греки с ноября 1940 года успешно воевали с напавшими на них, несмотря на симпатии афинских властей к Муссолини, дивизиями итальянских фашистов, причем эллины не только выгнали захватчиков с родной земли, но и отбили у режима Муссолини едва ли не треть оккупированной его вооруженными силами Албании. В южной части этой страны нахо-

дился большая часть греческой армии — 15 из 22-х дивизий. А на севере Греции, вблизи болгарской границы, стояли 4 дивизии и 1 бригада. Эти войска располагались в основном на оборонительной «линии Метаксаса», которую пожелал диктатор прудумствовать и создал в 1936 — 1940 годах на самом опасном для его страны направлении. Дело в том, что отношения Эллады с Болгарией после 1-й Балканской войны (1912 — 1913 гг.) всегда были чреватые вооруженным конфликтом, сначала за Эгейскую Македонию, а после Первой мировой войны и за юго-западную часть Фракии.

Общая длина «линии Метаксаса», учитываемая ее неукрепленные участки, достигала почти 300 км. Она представляла собой сеть подземных туннелей, выходящих в наземные укрепленные комплексы — форты с блиндажами, казематами и наблюдательными постами, артиллерийскими и пулеметными дотами и сеть противотанковых рвов и железобетонных противотанковых надолбов.

6 апреля ее атаковали два немецких корпуса, но четыре дня массированных артобстрелов, авиаштурмовок и рукопашных боев (в том числе в подземных туннелях) дали очень ограниченный результат: греческая оборона там устояла.

Однако 9 апреля немцы через практически не защищенную греко-югославскую границу (отношения между Белградом и Афинами были традиционно дружественными, и обе стороны укрепления здесь не строили, войск практически не держали) вышли к Салоникам, отрезав сражавшихся на «линии Метаксаса» эллинов. Их традиционно германский настроенный генералитет счел дальнейшую оборону не имеющей смысла и отдал приказ о капитуляции. Но форты продолжали сражаться. Тогда грекам предложили, сдав оружие и боеприпасы, отступить, сохранив при этом свои знамена. Получив от немцев почетные условия сдачи, с 10 апреля они стали прекращать сопротивление. Более того, командующий гитлеровскими войсками на Балканах генерал-фельдмаршал Лист приказал отдать честь уходящим эллинам.

Однако признание храбрости и воздание почестей греческим бойцам ничуть не мешало германцам нарушать законы войны и совершать военные преступления.

Так, они расправились с национальным героем Греции сержантом Димитриосом Ициосом. Он со своими подчиненными вел огонь из дота на болгарской границе и уничтожил 233 немцев, включая командовавшего горным полком оберст-лейтенанта (подполковника). Это превысило официальные безвозвратные потери нацистов в ходе всей Югославской операции — 151 человек убитыми, 14 пропавшими без вести. Израсходовав боекомплект полностью, Ициос покинул дот и был окружен гитлеровцами. Командир 6-й горнострелковой дивизии генерал-майор Шернер, будучий (причем последний) нацистский фельдмаршал, поздравил сержанта, который своим мужеством «воскресил древнюю историю своих предков», выстроил перед ним целый взвод и приказал воздать Ициосу воинские почести. После этого сержант был расстрелян.

Находившаяся в Центральной Македонии группировка в составе 3 греческих дивизий и британского Экспедиционного корпуса, прибывшего из Египта в марте 1941 года и включавшего 2 пехотные дивизии и бронетанковую бригаду, эффективного сопротивления гитлеровцам не оказала и отступила к Афинам и полуострову Пелопоннес. Даже знаменитые Фермопилы задержали войска нацистов лишь ненадолго.

Греческие сены в Албании отступить не успели, а их генералитет охотно капитулировал перед неприятелем.

В это же время британцы довольно успешно применяли свой любимый маневр, освоенный во время Французской кампании, — бегство от немцев. Они эвакуировались на остров Крит и в Египет, бросая тяжелое вооружение — как ранее под Дюнкерком. К 30 апреля вся территория материковой Греции была оккупирована странами «Оси» — Германией, Италией и Болгарией.

4 мая в рейхстаге Гитлер заявил: «...из всех противников, которые нам противостояли, греческий солдат сражался с наибольшим мужеством. Он сдался только тогда, когда дальнейшее сопротивление стало невозможным и бесполезным». Напомню, что к этому времени немцы еще не встретились на полях сражений с русским солдатом. Хотя справедливости ради следует сказать, что во время Польской кампании 1939-го года вооруженные стычки между гитлеровцами и

бойцами РККА случались — например, подо Львовом. Но в целом это были незначительные, можно сказать, случайные эпизоды, по которым судить об общей картине, о том, что собою представляет русский солдат как таковой, было сложно.

Незанятым из всей Греции оставался лишь остров Крит — важный узел обороны Восточного Средиземноморья, в котором размещались значительные силы армии, флота и авиации Британской империи (включая австралийцев с новозеландцами) и Греческого королевства. Отсюда можно было бомбить румынские нефтепромыслы — главный источник получения топлива для немецкой боевой техники.

Захват этого «непотопляемого авианосца», защищаемого частью крупнейшего в мире флота, Гитлер поручил своим воздушно-десантным войскам. 20 мая началась их высадка на Крите. Сначала успех операции висел на волоске, немцы понесли значительный урон в личном составе. Однако превосходящего по силам противника они в конечном итоге одолели. При этом безвозвратные людские потери Британии и Греции (убитыми, пропавшими без вести, пленными) превысили немецкие более чем в 5 раз; сильный удар был нанесен и по имперскому флоту. К 1 июня Критская операция завершилась. После нее Гитлер категорически запретил массированное использование воздушно-десантных частей, боясь крупных потерь в рядах элитных военных формирований. Так, ничего подобного Критской операции нацисты за все годы войны с СССР даже не попытались осуществить на Восточном фронте.

Тогда же по Криту прокатилась волна террора в отношении местного населения, которое активно давало отпор немецким захватчикам. Первым стало село Кондомари, в котором парашютисты расстреляли десятки заложников. Затем был уничтожен городок Канданос — вместе с большинством населения. Германское командование, унаследовавшее прусские понятия о правилах ведения войны, считало, что никто кроме профессиональных военных не должен принимать участие в боевых действиях, и мирных жителей, сражавшихся с оккупантами, рассматривало не как партизан, а как подлежащих уничтожению бандитов. Этим, помно-

женным на директивы верховного руководства нацистского «фатерлянда» и пресловутую «расовую теорию», во многом объясняется и жестокость, которую проявляли немцы по отношению к партизанам на территории СССР.

Критяне же прозвали гитлеровцев «железнодорожными».

Боевые действия на Балканах вынудили немецкое военно-политическое руководство отложить войну с СССР. 30 апреля 1941 года начало операции «Барбаросса» было перенесено с 15 мая на 22 июня. Повидимому, если бы не эта 38-дневная отсрочка, то нацисты к началу 1942-го года смогли бы занять Москву, а затем и Ленинград. Во всяком случае, именно так считал фюрер. 30 марта 1944 года он, согласно воспоминаниям известного в те времена кинорежиссера Лени Рифеншталь, заявил: «Вступление Италии в войну обернулось для нас катастрофой. Если бы итальянцы не напали на Грецию и им не понадобилась наша помощь, война приняла бы другой оборот, мы бы успели захватить Ленинград и Москву до наступления русских морозов».

Нельзя исключить, что после этого немцы вышли бы на намеченную ими согласно плану «Барбаросса» линию «А—А»: Архангельск — Астрахань. Дальше они вряд ли бы сумели продвинуться, во всяком случае, едва ли смогли бы дойти до Урала, потому что эффективно контролировать зах-

ваченные огромные территории было для нацистов, как показала практика, почти что непосильной задачей. В тех же Югославии и Греции с их мощным партизанским движением они были вынуждены держать десятки дивизий, которые в ином случае можно было использовать на Восточном фронте. А что говорить о несравненно больших пространствах России, где нужно было как минимум иметь гарнизоны, обеспечивать логистику и т.д.? Немцы едва ли справились бы с этими и массой других проблем, что, вкупе с проявляемой ими жестокостью по отношению к местному населению, привело бы к развалу оккупационного режима. Одержат ли в войне с Россией, пусть и советской, полную, безоговорочную победу в случае, если бы она сама вдруг не прекратила сопротивление, немцы не могли. У них не было для этого сил и ресурсов. Нападение на СССР было тяжелейшим стратегическим просчетом и преступлением Гитлера.

Тем не менее, начнись Великая Отечественная не 22 июня, а в середине мая 1941 года, она во многом шла бы иначе, развивалась по несколько другому сценарию. И, скорее всего, имела бы для нашей страны еще более тяжелые последствия — прежде всего, в плане людских потерь. Погибло бы не 26–27 миллионов наших соотечественников, а гораздо больше. Слава Богу, этого не произошло.